

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

УДК 94(47+57)"1920/1930":615.8

doi 10.17072/2219-3111-2018-4-98-106

**ДИСКУССИИ О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ
СОВЕТСКОГО КУРОРТНОГО ОТДЫХА (1920-Е – 1930-Е ГГ.)¹***Л. А. Кузнецова*

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
lyukuznetsova@yahoo.com

Проанализированы дискуссии о принципах организации свободного времени и функциях индустрии досуга в СССР. Предпринимается попытка вписать эти дискуссии в идеологические эксперименты советской власти. Показано, как разные образы курорта и эволюция представлений о «правильном» досуге в 1920-е и 1930-е гг. связаны с изменившимися функциями курортного отдыха в системе идеологического воспитания и меняющейся социальной политикой Советского государства. Особое внимание уделено революционному переосмыслению воспитательной и просвещенческой функций курортов, которое предлагалось как докторами-курортологами, так и советскими властями. В 1920-е гг. обсуждение вопроса о «правильном» советском отдыхе велось в рамках дискуссии о воспитании «нового советского человека». Исходя из этого формулировались просвещенческие и лечебные функции курорта, причем активным актором в этот период были не власти, а врачебное сообщество. Курорт в этом проекте выступал как средство научения полезному, регламентированному отдыху, элементарной гигиене и профилактике, рациональному отношению ко времени и к телу. Пребывание на курорте рассматривалось исключительно как лечение, как способ восстановления сил для возвращения к работе. В 1930-е гг. власть начала активно вмешиваться в эти дискуссии и использовать курорт в новом идеологическом эксперименте: в проекте по завоеванию лояльности формирующегося советского среднего класса. Легитимизируя благополучную обеспеченную жизнь, далекую от революционных потрясений и лишений, советская власть пыталась приобрести или сохранить широкую поддержку. Курорт начал репрезентироваться как роскошное место для отдыха и гедонистических удовольствий, куда получают доступ самые достойные люди страны – как награду за хорошую работу или иные достижения. Рассмотрение эволюции образа советского курорта и предписываемых курортному досугу функций позволяет увидеть механизмы действия идеологической системы и способы использования отдельного феномена в рамках этой системы.

Ключевые слова: советская история, идеология, «большая сделка», социальная политика, досуг, курорт, культурно-просветительская работа, «новый советский человек».

Влияние, которое события 1917 г. оказали на все сферы жизни России, огромно: они позволили предложить новый взгляд на мир, фактически создать новую картину мира. Пафос обновления, строительства принципиально новой реальности стал определяющим на несколько десятилетий. Отличительной чертой 1920-х гг. была стратегия «перекодирования» привычных понятий: они наделялись новым, революционным, смыслом. В некоторых случаях привнесение нового смысла не было проблемой: национализация фабрик, заводов, земли наделяла новым смыслом идею собственности; новые формы управления – Советы – также вполне вписывались в картину нового мира. Курорты – сюжет, казалось бы, периферийный, не представляющий особого интереса ни для теоретиков, ни для практиков «нового быта», но в строящемся новом обществе каждое явление должно быть осмыслено на языке революции. Именно процесс наделения привычного явления качественно новыми – советскими – признаками с целью использования их в воспитании «нового советского человека» будет в фокусе нашего внимания.

Аспекты формирования советской идеологии, понимаемой в этом тексте в духе К. Гирца [Гирц, 2004], стратегии «перекодирования», перевода привычных понятий на советский язык – один из самых хорошо исследованных вопросов в историографии советского периода. Перечислить все тексты не представляется возможным, их слишком много. Стоит отметить работу Шт. Плагген-

борга «Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма», где на обширном материале анализируются произошедшие в 1920-е гг. перемены в мировоззрении, образе мышления и жизни людей [Плаггенборг, 2000]. Особенно важными являются сборник «Turizm: T The Russian and East European Tourism under Capitalism and Socialism» [Turizm..., 2006] и монография Д. Кенкер «Club Red: Vacation Travel and the Soviet Dream» [Koenker, 2013], так как в них подробно рассматривается, как конструировались идеи «правильного» отдыха, как досуговые практики использовались для мобилизации, контроля и трансформации населения СССР в «правильных советских» граждан. Сборник «Turizm: The Russian and East European Tourism under Capitalism and Socialism» посвящен не только советскому кейсу: подробный анализ ситуаций в Венгрии, Югославии, Латвии, Германии дает широкий международный контекст развития туристической индустрии во второй половине XIX и XX вв. Среди важных для понимания контекста исследований об организации досугового времени – работы, посвященные нормированию труда и времени рабочих [Meyer, 1988], и работы, в которых анализируются институты досуга в авторитарных режимах [de Grazia, 1981; Baranowski, 2004]. Историография вопросов, связанных с системой управления курортами, была рассмотрена мной в более ранней работе и позволяет получить представление о том, как в исследованиях осмысливается взаимодействие разных акторов в ходе принятия больших решений [Кузнецова, 2010]. Если говорить о социально-политическом контексте, то особенно важным является исследование В. Данэм о «большой сделке», где рассматривается процесс формирования советского среднего класса, лояльного власти [Dunham, 1976], и статья В. Волкова о феномене культурности, где проанализировано изменение стратегий воспитания, применяемых советской властью в 1920-х – 1930-х гг. [Волков, 1996]. Моя задача – привнести в описанные обсуждения понимание того, как дискуссии о советском курортном отдыхе и эволюция досуговых курортных практик вписывались в идеологические эксперименты советской власти. Я постараюсь показать, как различные образы курорта и эволюция представлений о «правильном» досуге в 1920- и 1930-е гг. связаны с изменившимися функциями курортного отдыха в системе идеологического воспитания и меняющейся социальной политикой Советского государства.

Источниками для данной работы послужат разные документы: решения партии и правительства, касающиеся вопросов курортного строительства, постановления заинтересованных организаций, переписка между ними. Основная часть материалов хранится в Государственном архиве Российской Федерации, в фондах Наркомздрава, Главного курортного управления и Центрального Совета по управлению курортами профессиональных союзов. Отчасти эти материалы опубликованы в сборниках документов по истории советского периода (Декреты Советской..., 1957–1997; Постановления КПСС и советского..., 1958; Здравоохранение в годы..., 1973) и журнале «Курортное дело», который был печатным органом Главного курортного управления. Внутренние документы курортов (отзывы, отчеты, распоряжения), в которых рассматривались бытовые вопросы, относятся к документам временного хранения и остаются в архивах здравниц. Кроме того, используются материалы периодической печати: журналов «СССР на стройке», «Огонек», газеты «Труд» (печатный орган ВЦСПС), профессиональной периодики: журналов «Курортное дело» и «Архитектура СССР», а также различных брошюр, инструкций и путеводителей, которые издавались центральным или региональными отделами здравоохранения.

Переосмысление некоторых явлений в духе революции представляло собой проблему. Одним из них был курортный отдых и понимание курорта как лечебного места. Сложность состояла в том, что курорты изобрели не большевики. К началу XX в. курорты представляли собой не просто способ оздоровления, но определенный культурный феномен. Курорты часто связывали с представлениями о гедонистическом отдыхе. То, как советская власть пыталась избавить курорты от «буржуазного» образа, являлось своего рода экспериментом по революционизации образа курорта.

Большевицкая власть обратила внимание на курорты уже в 1919 г., когда большая часть Черноморского побережья была еще в руках белогвардейцев. 4 апреля 1919 г. вышел «Декрет о лечебных местностях общегосударственного значения», а 24 декабря 1920 г. – декрет «Об использовании Крыма для лечения трудящихся», но «большевизация» курортов в нем носила исключительно правовой характер: национализация их стояла в одном ряду с национализацией заводов и фабрик. Эта тенденция сохранялась на протяжении 1920-х гг. В декретах, постановлениях, распоряжениях власть уделяла внимания текущим вопросам управления, финансирования и другим, но создание образа «советского курорта» ее мало волновало. В периодической печати вопросы курортного

отдыха также освещались крайне редко, в фокусе внимания прессы оказывались насущные проблемы страны. В это время основные дискуссии велись в профессиональной прессе: в 1920-е гг. почти в каждом номере журнала «Курортная хроника» рассматривался тот или иной вопрос создания принципиально нового типа курорта – советской здравницы.

Медицинское сообщество не только обсуждало проблемы, связанные со снабжением и организацией медицинской помощи в курортных районах, но и пыталось бросить новый взгляд на привычное явление. Каким же видели врачи советский курорт? Прежде всего лишенным «буржуазных излишеств», функциональным и, самое главное, имеющим исключительно лечебную функцию. Вопросам оздоровления, гигиены, развития научной базы курортного лечения уделялось огромное внимание. Курортный отдых не рассматривался как отдых в традиционном понимании. Элементы привычного досуга (поездки в город, отлучение из санатория, игра в карты, употребление крепких напитков, частые посещения родных) были под запретом, поскольку «поездка в город легко может закончиться свиданием с друзьями в трактире, посещение родных – посеять в душе больного ряд семейных и домашних забот, волнующих его и т.д., а все это дурно отзывается на боеспособности организма и потому сурово изгоняется их санатория» (*Консторум*, 1925, с. 16). «Буржуазная роскошь» курорта отвергалась как нерациональная и расточительная (*Советская медицина*, 1924) [Булыгина, 2007, с. 414]. В 1925 г. Мосздравотдел выпустил небольшую брошюру «Для чего нужны санатории», автор которой заклеил «ненужную роскошь» на курортах, обозначив ее как прихоть буржуа: «Первые санатории устраивались исключительно частными владельцами. При таких условиях доходность предприятия, конечно, стояла на первом плане. <...> Люди же с толстой мошной за свои деньги требовали не только хорошего лечения и ухода, но и того комфорта, которым они привыкли пользоваться у себя дома. <...> Таким образом получилось, что понятие санатории стало равнозначимым понятию шикарно обставленной загородной лечебницы для богатых людей» (*Консторум*, 1925, с. 10). В управлении Кавказскими Минеральными Водами считали, что «рабочим должна быть предоставлена здоровая, гигиеническая койка по наиболее дешевой цене», а все остальное называли «внешним, ненужным комфортом» [Булыгина, 2007, с. 414]. Исследователи верно замечают: «...В 20-е годы отдых понимался как минимальная возможность восстановить силы трудящихся для самоотверженного труда. Образ беззаветного борца за коммунизм против внешних и внутренних врагов упорно внедрялся в общественное сознание. Во всех других случаях отдых ассоциировался с "бездельем". Другое дело болезнь, с которой тоже надо было бороться, чтобы сохранить рядовых армии труда» [Булыгина, 2007, с. 412–413]. Логика проста: в РСФСР санаторный отдых должен быть не удовольствием, а средством, позволяющим «больным вернуться к работе здоровыми и бодрыми», поэтому понятие курорта получает новое смысловое наполнение.

Перекодированию / революционизации образа советского курорта способствовали лозунг «Курорты для трудящихся» и относительная доступность санаторного лечения, ранее практически недоступного для рабочих. Однако с начала советской истории система государственного призрения обрела политизированный, избирательный характер, долго сохранявшийся впоследствии. В первую очередь это выразилось в ограничении круга лиц, которым полагалось различного рода социальное вспоможение. Конституция РСФСР 1918 г. определила категории населения, представители которых были лишены не только избирательного права, но и возможности обращаться за помощью к государству в кризисных жизненных ситуациях. В сфере курортного отдыха избирательность системы проявлялась в том, что только представители рабочего класса имели право на пребывание в санаториях. Чтобы получить распространяемую через Наркомздрав путевку бесплатно или за незначительную плату необходимо было предоставить две справки: медицинскую – о наличии недуга и «социальную» – о принадлежности к классу трудящихся.

Одной из самых важных была просветительская функция санаторного отдыха. Культурно-просветительской работе, «сложной, ответственной и грандиозной» (*Культ-просвет работа*, 1921), в СССР придавалось большое значение. Целью ее было не столько развлечение советских людей, сколько их воспитание. Не были исключением и советские курорты. Например, уже в 1918 г. представители курортного дела говорили о том, что «большое количество свободного времени, которое имеется у лечащихся на курортах, рациональнее всего использовать в целях культурно-просветительного и политического воспитания» (ГАРФ. Ф. а-482. Оп. 13. Д. 13. Л. 12, 12 об.), в 1921 г. дома отдыха назывались «лучшими резервуарами культурного воспитания масс» (*Ломта-тидзе*, 1921), а в 1946 г. заместитель начальника Центрального управления курортов, санаториев и

домов отдыха ВЦСПС Клойзе настаивал на том, что «надо, наконец, понять всем начальникам Управлений и директорам санаториев и домов отдыха, что работа в санатории или доме отдыха состоит из трех главных моментов: лечение, питание, культработа» (ГАРФ. Ф. р-9493. Оп. 3. Д. 5. Л. 141).

Курорт можно рассматривать в системе советского эксперимента конструирования «нового человека». Чтобы считаться новым, советским, человеком, индивид должен был приобрести некоторые качества, овладеть определенными знаниями и навыками. Курорт в этом проекте выступал как средство научения полезному, регламентированному отдыху, элементарной гигиене и профилактике, рациональному отношению ко времени и к телу: «Ликвидация санитарной безграмотности, сообщение понятий и навыков, необходимых для создания здоровой обстановки работы и отдыха, здорового быта, есть тесно связанная с лечебной задачей и стоящая наряду с ней воспитательная, «профилактическая» задача санаторий» (*Консторум*, 1925, с. 17). Значительная роль отводилась различным лекциям, цель которых состояла в образовании отдыхающих, в объяснении им необходимости гигиенических и профилактических процедур. В таком виде лекции считались важным этапом общего курортного лечения.

Как правило, лекции организовывались руководством курорта по собственному усмотрению, так как не существовало конкретных рекомендаций по их форме и содержанию. Мне удалось найти единственный развернутый комментарий по данному поводу, возможно, его следует считать некоторым обобщением опыта. А. Сперанский в статье 1956 г. рекомендует разбивать общий курс лекций на несколько этапов в зависимости от целей: «В первые дни курса лечения, когда начинает складываться своеобразный коллектив больных в санатории, возникает потребность в организованном воздействии на настроение, общественное мнение этого коллектива. Необходимо правильно сформировать сознательное отношение к санаторному режиму, рассеять беспокойство и мнительность некоторых больных, поддержать уверенность в излечении. Правильно решить эту важную задачу помогает хорошо построенная лекция на тему: "Сущность и особенности курортного лечения". В такой лекции в популярной форме излагаются элементы учения И.П. Павлова, ... а также подчеркивается значение нервной системы в сохранении здоровья и правильных соотношений организма и окружающей среды. При чтении таких лекций важно не только хорошо продумывать их содержание, но и заботиться о форме изложения: избегать трудных слов, пользоваться примерами из жизни, из своего опыта, данными из медицинской и особенно художественной литературы и, что особенно важно, приближать лекцию к живому рассказу. В начале второй декады курса лечения возникает потребность в проведении лекции примерно на тему: "Некоторые особенности лечения на данном курорте". Эта лекция является продолжением и развитием предыдущей. ... В целях укрепления уверенности в излечении мы в дополнение к лекции подготовляем краткие выступления больных, которые в настоящем или прошлых сезонах получили на курорте излечение или значительное улучшение. Подобная лекция также должна явиться значительным событием в жизни санатория, своеобразным источником оптимизма. Во второй половине лечения полезны лекции другого содержания, отвлекающие внимание от болезни. Обычно успешно проходят лекции на краеведческие темы, по некоторым вопросам культуры, техники и сельского хозяйства. Очень хорошо воспринимается и интересная лекция на политическую тему. В конце курса лечения мы проводим заключительную лекцию-беседу "Итоги лечения данного "заезда" больных". ... В этой заключительной лекции следует провести мысль о необходимости переноса полезных навыков, приобретенных в санатории, в бытовую обстановку; дать основные сведения по гигиене труда, быта, рациональному отдыху, питанию; подчеркнуть оздоровляющее влияние физкультуры и спорта и изложить способы закаливания организма». Подобные лекции рекомендовалось поручать «ведущим врачам, имеющим опыт лекторской работы, тесно связанным с жизнью санатория, систематически повышающим свой политический и культурный уровень» (*Сперанский*, 1956, с. 63 – 66).

Проведение лекций считалось даже не культурно-массовой работой, а составной частью лечебного комплекса. Лекции, как правило, дополнялись практиками: больных заставляли следить за чистотой одежды и тела, регулярно совершать гигиенические процедуры и элементарные профилактические и общеукрепляющие упражнения. К последним относились занятия физической культурой, которая со временем стала важной частью курортного лечения: «Роль школы здоровья должна разделить с санаторно-курортным режимом и физическая культура» (*Багашев*, 1923, с. 28).

Важной частью досуга были культурно-массовые мероприятия. «У нас громадная жажда культуры», – говорил представитель курорта Сочи в 1938 г. (ГАРФ. Ф. Р-9228. Оп. 1. Д. 23. Л. 108). Под культурно-массовой работой могли пониматься разные способы организации свободного времени отдыхающих: устройство библиотек, кружков, площадок для игр, киносеансов, экскурсий, концертов и т.д. Совещание директоров курортов общегосударственного значения рекомендовало «при организации культпросветработы обратить внимание на подбор книг для библиотек, расширить систему передвижных библиотек, организовать правильную доставку книг в санатории. Расширить организацию прогулок, стремясь за время пребывания больного подробно познакомить его с географией, естественно-историческими особенностями курорта, этнографией и бытом местного населения и наиболее важными отраслями курортного хозяйства. ... При организации развлечений для больных учитывать бытовые навыки и культурные запросы данного контингента больных. Отказаться от дорогостоящих концертов, отдавая предпочтение вечерам из одного, двух концертных номеров и культурно-просветительской части. Расширить использование кино при внимательном подборе картин, организацию вечеров выразительного чтения, разбора газеты и т.д.» (Совещание директоров..., 1929, с. 66). Однако в проведении культмассовой работы на разных курортах не было единства, так как ресурсы санаториев различались. Тем не менее некоторые виды массовой работы присутствовали почти повсеместно: экскурсии, прогулки, вечера самодеятельности, танцы, литературные чтения и обсуждение газет – мероприятия, которые не требовали больших финансовых затрат. На всех курортах отмечались государственные праздники.

В 1920-е гг. режим в некоторых санаториях включал несколько неожиданный элемент. В среде врачей в это время получила распространение идея о «трудовом отдыхе» (*Консторум*, 1925, с. 42). Доктор Н. Кишкин считал, что санаторный режим для нетяжелых больных должен обязательно включать строго дозированные трудовые процессы – в саду, в огороде, в мастерской, спорт, экскурсии, лекции, собеседования и пр. Он придавал большое значение такому режиму, «так как для привыкшего к труду человека, болеющему не тяжело, трудно отдохнуть при полном бездействии и в своей лечебной практике я наблюдал особо тоскливое душевное состояние у больных, лишенных совершенно трудовых процессов. Они все свое внимание тогда сосредотачивают на своих болезненных ощущениях, начинают придирчиво относиться к окружающей обстановке и к людям. Находя же возможность в известной дозе получать такой труд, они просто оживают и мне кажется, что настало время посмотреть на трудовые процессы, как на лечебный фактор» (*Кишкин*, 1923, с. 25). Для легко больных доктор предусматривал возможность участвовать в тех трудовых процессах, в которых они в обыденное время не участвуют. Так, «занятые физическим трудом должны работать в общежитии более умственным трудом и, наоборот, занятые у себя дома умственным трудом должны здесь заниматься физическим трудом». Такая компенсация в трудовых процессах, по его мнению, должна была благотворно сказаться на психической деятельности больного и, следовательно, способствовать улучшению его организма (*Кишкин*, 1923, с. 25). О психологическом аспекте говорил и доктор В. Кашкадамов: «Очень важно на курорте занять внимание больного чем-нибудь таким, что может быть для него приятным и полезным и заставит позабыть свою болезнь. Для этой цели могли бы служить занятия садоводством или огородничеством» (*Кашкадамов*, 1923, с. 120). Заведующий Отделом лечебных местностей Н. Тезяков докладывал в 1923 г. на Германском бальнеологическом конгрессе о планах организации трудового лечебного режима в трудовых колониях на курортах, где найдут применение своих сил больные, хотя и поправившиеся на курортах, но по состоянию своего здоровья не могущие еще возвратиться в их обычную трудовую обстановку (*Тезяков*, 1923, с. 6).

Но насколько «большевистскими» были идеи трудового отдыха? Н. Кишкин был одним из лидеров партии кадетов, с марта 1917 г. занимал пост комиссара Временного правительства в Москве, с сентября 1917 г. – пост министра государственного призрения в последнем составе Временного правительства. В условиях начавшейся большевистской революции он получил полномочия по водворению порядка в Петрограде, ему были подчинены все военные и гражданские власти. При советской власти Н. Кишкин работал врачом. В 1921 г. вместе с С. Прокоповичем и Е. Кусковой организовал Всероссийский комитет помощи голодающим. Был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, находился в ссылке в Вологде, затем был освобожден по амнистии. С 1923 г. Н. Кишкин работал в курортном отделе Наркомздрава. Таким образом, статья, на которую мы ссылаемся, была написана вскоре после устройства на новое место работы. Отметим, что по

образованию Н. Кишкин был врачом-физиотерапевтом, в дореволюционный период был совладельцем и директором клиники в Москве, а затем и санатория (*Голостенов*, 1993, с. 152–153). Н. Тезяков, хотя и не был политическим деятелем, являлся известным земским врачом. В частности, он председательствовал на заседании секции общественной медицины XII Пироговского съезда в 1913 г. Кроме того, он был другом А. Шингарева – одного из лидеров Конституционно-демократической партии, который занимал пост министра земледелия, а потом министра финансов Временного правительства. Можно предположить, что идея трудового отдыха возникла в дореволюционных разработках земских врачей. Впрочем, эта идея, и в 1920-е гг. не получившая популярности, в дальнейшем, с изменением курортного дискурса, когда пребывание в санаториях стало восприниматься не только как лечение, но и как заслуженный отдых после ударной работы, была забыта окончательно.

В период НЭПа в системе распределения путевок на курорты появились новшества. Часть путевок продавалась за полную стоимость всем желающим. Это создавало проблему в процессе революционизации курортов, поскольку подобная практика вступала в противоречие с провозглашенными принципами, а необходимо было сохранить образ советского курорта. Нарком здравоохранения Н. Семашко предлагал следующее объяснение появления платных путевок: «Всюду и везде в Европе и Америке курортами пользуется, прежде всего, самая крупная буржуазия. У нас пользуются, прежде всего, трудящиеся и их дети. А если к нам попадает нэпман, то только затем, чтобы с него взять побольше и на этот доход пустить на курорт лишнего больного трудящегося. Рабочие принимались на курорт для лечения, нэпманы допускались для “стрижки”» (*Семашко*, 1924, с. 22).

Ситуация изменилась во второй половине 1930-х гг. Наиболее активным актором в дискуссиях о форме и содержании курортного отдыха стала центральная власть, которая постаралась создать образ курорта как райского места, куда попадают достойнейшие люди. Курорт в этом случае представлял собой идеальное пространство. В определенных аспектах он напоминал дореволюционный курорт с его стремлением к роскоши и гедонистическим удовольствиям – то, от чего старались дистанцироваться в 1920-е гг.

С этого времени пребывание на курортах перестало быть просто лечением и начало позиционироваться как поощрение за хорошую работу или другие достижения, как награда для выдающихся советских людей – стахановцев, заслуженных рабочих и колхозников, летчиков, военных, известных деятелей науки и культуры. Формировалось представление о пребывании на курорте как о некоей моральной и материальной ценности. Эта ценность акцентировалась постоянным напоминанием о том, что рабочие теперь отдыхают в царских дворцах, т.е. – как цари: «Ливадийский дворец – бывшая летняя резиденция царя – теперь санаторий для рабочих и крестьян» (СССР на стройке, 1937). Курорты стали снова (как в дореволюционную эпоху) репрезентироваться как место роскошного отдыха, и роскошь уже не осуждалась, а служила доказательством богатства государства. В действительности же лишь малая часть санаториев соответствовала этому образу, большинство находилось в крайне тяжелой ситуации: не хватало оборудования, мебели, продуктов, средств. Тем не менее образ курорта, который был актуализирован в середине 1930-х гг., фактически отсылал к дореволюционному образу дорогого курорта.

Изменение курортного дискурса в целом сопровождалось пересмотром некоторых принципов санаторного строительства. Общим архитектурным стилем стал так называемый «Большой стиль», или «сталинский ампир», отличавшийся монументальностью, художественностью, использованием классицистических элементов и особым взглядом на рациональность [*Иконников*, 1997; *Паперный*, 1996; *Соцреалистический канон*, 2000]. Санатории перестали восприниматься как больницы, с этого времени важными становятся эстетические характеристики курортного пространства. Интересно, что красота курортов считалась необходимым условием успешного лечения, поскольку «красота окружающей природы является одним из мощных факторов (так называемый “хорологический” фактор), благотворно влияющих на эмоциональное состояние человека, на его нервную систему и психику и тем самым на его отдых и лечение» (РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 297. Л. 28). Архитектура санаториев и домов отдыха приобрела четко выраженный дворцовый характер. Это касалось не только использования элементов классической архитектуры (колонны, ордер и т.д.), но и самих принципов планировки курортов. Появились даже номера люкс – ситуация, совершенно не-

возможная в 1920-е гг. Ялта в прессе стала именоваться «Советской Ниццей, Сочи – «Советской Ривьерой», а Алтай - «Советскими Альпами».

Лечебная функция курортов упоминалась, однако уже не считалась основной: «В этих чудесных уголках СССР находятся санатории – дворцы, хорошо оборудованные пляжи, отличное питание и внимательный врачебный уход. Каждый гражданин СССР имеет право на отдых. И государство делает все необходимое, чтобы этот отдых прошел весело и с максимальной пользой для здоровья» (СССР на стройке, 1939).

Изменились принципы распределения путевок: медицинские показания для пребывания в санатории стали лишь желательными, но не необходимыми. Особенно это касалось той части путевок, которые распределялись через ВЦСПС. Выдаваемые как поощрение, они имели целью не только стимулирование труда, но и приобретение лояльности к советской власти со стороны граждан.

Описанные изменения происходили параллельно со сменой политического курса советской власти: с тем, что в историографии называется «Великим отступлением», или, когда речь идет о социально-экономических и культурных изменениях, «Большой сделкой» [Dunham, 1976]. Процесс формирования советского среднего класса, лояльного власти начался, как мне кажется, уже в середине 1930-х гг. Новые культурные и социальные ценности, предложенные советскому обществу, во многом повторяли дореволюционные. Легитимизируя благополучную, обеспеченную жизнь, далекую от революционных потрясений и лишений, советская власть пыталась приобрести и сохранить широкую поддержку населения. Можно ли в этой ситуации говорить о повторном перекодировании образа советского курорта. Лишь отчасти. В 1930-е гг., избавившись от аскетизма как необходимой характеристики курортной жизни, ни власть, ни врачи не предложили качественно нового определения советского курорта. Курорты оставались «советскими» согласно перекодированию 1920-х гг., хотя фактически вернулись к старому, буржуазному, содержанию.

Таким образом, в 1920-х – 1930-х гг. в риторике властей, профессионального врачебного общества и управленцев курортной индустрии можно наблюдать эволюцию представлений о «правильном» курортном отдыхе. В 1920-е гг. этот вопрос обсуждался в рамках дискуссии о воспитании нового советского человека. Исходя из его понимания определялись просветительские и лечебные функции курорта, причем активным актором в этом процессе были не власти, а врачебное сообщество. В 1930-е гг. власть активно вмешивалась в дискуссии и начала использовать курорт в новом идеологическом эксперименте по завоеванию лояльности формирующегося советского среднего класса. Эти идеологические эксперименты позволили создать образ курорта, который сохранялся по меньшей мере до начала 1960-х гг.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках Программы развития партнерских центров при поддержке Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Список источников

- Багашев И. Физическая культура и курортное дело // Курортное дело. 1923. №8 – 9. С. 28.
- Голостенов М. Кишкин Н.М. // Политические деятели России, 1917 г.: биограф. словарь. М.: Большая рос. энцикл., 1993. С. 152 – 153.
- Декреты Советской власти. Т. 1–14. М.: Б.и., 1957–1997.
- Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. 1925 – 1940. М.: Медицина, 1973. 328 с.
- Кашкадамов В. Курорты-сады // Курортное дело. 1923. №2. С. 120.
- Кишкин Н. К вопросу о постановке медицинского дела на курортах // Курортное дело. 1923. № 10. С. 25.
- Консторум С. Для чего нужны санатории: Задачи санаторий и санаторное дело в Москве. М.: Б.и., 1925. 43 с.
- Культ-просвет работа // Труд. 1921. 17 мая.
- Ломтатидзе Е. Задачи профсоюзов в организации Домов отдыха // Труд. 1921. 16 августа.
- Политическая и культурно-просветительная работа на курортах РСФСР: Тез. по докл. тов. Жуховицкого (Положение о Главном комитете соли и минеральных источниках) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. а-482. Оп. 13. Д. 3. Л. 12, 12 об.

- Постановления КПСС и советского правительства об охране здоровья народа. М.: Медгиз, 1958. 338 с.
- Семашко Н.* Что такое курорты и как на них лечиться. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. 32 с.
- Свирский В.* Архитектура санатория в связи с оздоровительными факторами природы: Дис. ... канд. архитектуры // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 293. Оп. 3. Д. 297. Л. 28.
- Советская медицина // Огонек. 1924. №4 (43). С. нрзб.
- Совещание директоров курортов общегосударственного значения // Курортно-санаторное дело. 1929. №1. С. 66.
- Сперанский А.* Санитарно-просветительная работа в санатории как элемент коллективной психотерапии // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физкультуры. 1956. № 1. С. 63–66.
- СССР на стройке. 1937. №1.
- СССР на стройке. 1939. №6.
- Стенограмма совещания директоров и главных врачей курортов при Союзкурорте НКЗ СССР от 28 февраля 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-9228. Оп. 1. Д. 23. Л. 108.
- Тезяков Н.* Курортное дело в Российской Социалистической Советской Республике: Докл. XXXIX Германскому бальнеологическому конгрессу в Аахене (апрель 1923 г.). М.: 1-я тип. МСНХ «Печат. искусство», 1923. 15 с.
- Циркулярные распоряжения и приказы за 1946 г. по Центральному Управлению курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС // ГАРФ. Ф. р-9493. Оп. 3. Д. 5. Л. 141.

Библиографический список

- Булыгина Т.* Изменение дискурса «курорт» в представлениях местной власти в 20-е гг. XX в. (на примере Кавказских минеральных вод) // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: Матер. междунар. науч. конф. Пятигорск [и др.]: Б.и., 2007. С. 411–421.
- Волков В.* Концепция культурности, 1935–1938 гг.: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. №1–2. С. 194–213.
- Гириц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 557 с.
- Иконников А.* Историзм в архитектуре. М.: Стройиздат, 1997. 560 с.
- Кузнецова Л.* Администрирование на местах в 1930–1950-х гг.: инициатива или самоуправство? (на примере курортного строительства) // Вестник Пермского университета. История. 2010. № 2 (14). С. 57–67.
- Паперный В.* Культура Два. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 383 с.
- Плаггенборг Шт.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма // Нева, 2000. 414 с.
- Соцреалистический канон. СПб.: Акад. проект, 2000. 1036 с.
- Baranowski S.* Strength through Joy: Consumerism and Mass Tourism in the Third Reich. Cambridge University Press, 2004. 274p.
- Grazia V. de.* The Culture of Consent. Mass organization of leisure in fascist Italy. Cambridge University Press, 1981. 320 p.
- Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge University Press, 1976. 320 p.
- Koenker D.* Club Red: Vacation Travel and the Soviet Dream. Cornell University Press, 2013. 328 p.
- Meyer S., III,* The Five Dollar Day: Labor Menegment and Social Control in the Ford Motor Company, 1908 – 1921. Albany: State University of New York Press, 1988. 260 p.
- Turizm: The Russian and East European Tourism under Capitalism and Socialism / Ed. by A. Gorsuch, D. Koenker. Cornell University Press, 2006. 328 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.10.2018

DISCUSSIONS ON THE FORM AND CONTENT OF THE SOVIET RESORT REST (THE 1920s – 1930s)

L.A. Kuznetsova

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
lyukuznetsova@yahoo.com

The article analyzes discussions on the principles of the Soviet leisure and the functions of the leisure industry in the USSR. It places these debates within the context of the Soviet ideological experiments. The article shows the relationship between the image of the Soviet resort and the evolution of the notion of “proper” leisure, on the one hand, and the changing functions of resort leisure within the system of ideological education and evolving social policy, on the other. The article pays particular attention to the reconceptualization of the resorts’ educational function by medical experts as well as state authorities. In the 1920s, the discussion about “proper” Soviet leisure was a part of the debate about the New Soviet Man. This goal shaped the visions of the resorts’ medical and education functions, actively promoted not only by state authorities but also by the medical community. The resort was to be the means of mastering the technique of regimented useful rest, basic hygiene and prophylactics, and rational treatment of one’s body. Time spent at the resorts was to be used solely for treatment in order to restore one’s capacity to work. In the 1930s, state authorities began to actively participate in the debates and to use the resort as the means to win the loyalty of the new middle class. Legitimizing comfortable life without revolutionary hardships, the Soviet authorities strove to win and maintain broad social support. The resort was reinvented as a luxurious place of rest and hedonistic pleasures accessible only for the worthiest citizens; a vacation at the resort became an award for a good work and other achievements. The analysis of the evolving meaning of the Soviet resort and the functions of resort leisure helps to see the mechanisms of the ideological system and the way a particular phenomenon functioned within it.

Key words: Soviet history, ideology, “Big Deal”, social policy, leisure, resort, «New Soviet Man».

References

- Baranowski, S. (2004), *Strength through Joy: Consumerism and Mass Tourism in the Third Reich*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 274 p.
- Bulygina, T. (2007), «Changes in the discourse “resort” in the views of local authorities in the 1920s (on the example of the Caucasian Mineral Waters)», in *“Kurort v diskursivnykh praktikakh sotsiologicheskogo znaniya: Mater. Mezhdunarodn. nauch. konf [“Resort” in the discursive practices of social and humanitarian knowledge]*, Pyatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskiy universitet, Pyatigorsk, Russia, pp. 411 – 421.
- de Grazia, V. (1981), *The Culture of Consent. Mass organization of leisure in fascist Italy*, Cambridge University Press, New York, USA, 320 p.
- Dunham, V. (1976), *In Stalin’s Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*, Cambridge University Press, Cambridge, London, New York and Melbourne, UK – USA - Australia, 320 p.
- Girts, C. (2004), *Interpretatsiya kultur [The interpretation of cultures]*, ROSSPEN, Moscow, Russia, 557 p.
- Golostenov, M. (1993), «Kishkin N.M.», in *Politicheskie deyateli Rossii, 1917 g.: biograficheskiy slovar [Political actors of Russia, 1917: biographical dictionary]*, Bolshayaros. entsikl., Moscow, Russia, pp. 152 – 153.
- Gorsuch, A. & D. Koenker (2006), *Turizm: The Russian and East European Tourism under Capitalism and Socialism*, Cornell University Press, Ithaca, USA, 328 p.
- Ikonnikov, A. (1997), *Istorizm v arkhitekture [Historicism in architecture]*, Stroyizdat, Moscow, Russia, 560 p.
- Koenker, D. (2013), *Club Red: Vacation Travel and the Soviet Dream*, Cornell University Press, Ithaca, USA, 328 p.
- Kuznetsova, L. (2010), “Local administrative practices in the 1930s – 1950s: initiative or arbitrariness (case study: resort organization)”, *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoruya*, Issue 2 (14), pp. 57 – 67.
- Meyer S., III (1988), *The Five Dollar Day: Labor Management and Social Control in the Ford Motor Company, 1908 – 1921*, State University of New York Press, Albany, USA, 260 p.
- Paperny, V. (1996), *Kultura Dva [Culture Two]*, Novoe lit. obozrenie, Moscow, Russia, 383 p.
- Plaggenborg, S. (2000), *Revolutsiya i kultura: kulturnye orientiry v period mezhdu Oktyabrskoy revolyutsiei i epokhoi stalinizma [Revolution and culture. Cultural guidelines in the period between the October Revolution and the Stalinist age]*, zhurn. «Neva», St. Petersburg, Russia, 414 p.
- Sotsrealisticheskiy kanon [Socialist realist canon]* (2000), Akad. proekt, St. Petersburg, 1036 p.
- Volkov, V. (1996), «The concept of “culturnost”, 1935-1938: Soviet civilization and the everyday life in Stalin's time», *Sotsiologicheskii zhurnal*, № 1–2, pp. 194–213.